

Алексей Макеев
Николай Иванович Леонов
Обойма ненависти
Серия «Полковник Гуров»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=659155
Обойма ненависти: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-50447-3

Аннотация

Тремя выстрелами в спину убита жена крупного столичного чиновника Лукьянова. Двум полковникам из МУРа, Гурову и Крячко, приходится изрядно поломать голову над этим преступлением. Кому помешала Александра Лукьянова, ведущая скромную жизнь домохозяйки в коттеджном поселке? Может быть, это банальное ограбление? Ведь из дома пропала шкатулка с драгоценностями. Но вскоре шкатулка находится – ее попросту выкинули на улице, не взяв ни единой вещи. Значит, убийца инсценировал ограбление. Для чего? Дело запутывается все больше и больше, а время тает. И тут сыщики натываются на весьма интересное обстоятельство...

Алексей Макеев, Николай Леонов

Обойма ненависти

День был по-летнему теплый. И несмотря на то, что на часах было всего половина седьмого утра, в приоткрытое окно уже тянуло теплыми запахами начала осени. Александра Лукьянова любила именно начало осени. Небо день ото дня становилось все глубже и прозрачнее. Воздух наполнялся пряными и томными запахами увядания. Она даже с нетерпением ждала, когда листья на ее любимой березке начнут золотиться.

Эту березу оставили на участке по ее настоянию, хотя приглашенный мужем ландшафтный дизайнер и пытался отговорить заказчиков. Саша понимала, что молодой и настырный «специалист» ничего индивидуального для их с Михаилом загородного дома не изобрел. Наверняка содрал с чьего-то проекта идею и наложил на конфигурацию участка Лукьяновых. А может, это был и его проект, только он применял его часто. Подозрительно быстро все подготовил и представил на рассмотрение заказчика.

Иными словами, Александре Лукьяновой вид участка не нравился. На ее взгляд, дизайн был каким-то шаблонным, почти казенным, без индивидуальности. Как у всех. Молодая женщина не отдавала себе отчета, что недовольство загородным домом лежит гораздо глубже, чем ей казалось. Она еще только начинала ощущать, что атмосфера в их семье неуловимо меняется. Внешне все было как и все эти годы, но улетучивалось какое-то душевное единение. Иногда Саше казалось, что она придирается к мужу, которому приходится очень много работать. Ведь она, занятая лишь воспитанием дочери, выпала из динамики мира большого города. Может, просто засиделась дома.

Надо было вставать, поднимать дочь и собирать ее в школу. Александра опять ощутила то непонятное волнение, которое ее одолевало вот уже третий день. Дочь Оля идет во второй класс, а мать волнуется так, будто это «первый звонок» в жизни девочки. Все ведь приготовлено еще с вечера. И плиссированная темно-синяя юбочка наглажена, и блузка с бантом. И цветы она поставила в воду еще вчера. Не замерзнет ли Оля в одной блузке? Нет, она же на машине ее повезет, и обратно тоже. Да и тепло сегодня. Только вот что-то щемит в груди...

Саша Лукьянова отбросила одеяло и спустила ноги на пол. Все, некогда рыться в своем самочувствии, пора дочку поднимать.

И начались привычные еще с прошлого учебного года хлопоты. Умывание, завтрак с обязательным стаканом натурального сока. Потом проверка ранца – все ли собрано. Потом веселая болтовня дочери про свой класс, новую подружку, про дурака Олега, который никогда не завязывает шнурки. «Они у него, наверное, развязываются?» – «Все равно дурак! Как маленький, не научился шнурки завязывать. А Елена Сергеевна у нас такая красивая! Ни у одного класса нет такой красивой учительницы». Дочь щебетала, пока Саша заплетала ее косу с бантом. И привычно крутила головой, мешая матери.

Потом они, держась за руки, спускались по ступеням к машине и весело шурились на утреннее солнце. С этой стороны дома у Лукьяновых было красиво. Выложенная двухцветными тротуарными плитками площадка перед домом для машин, расходящиеся в стороны подростшие и впервые подстриженные неделю назад газоны. И альпийская горка с ручейком и мостиком, и чаша бассейна с бетонными краями, которые весной будут застелены искусственным синтетическим покрытием, имитирующим газонную траву. Это задний двор пока еще выглядел неприглядно. Там красовался большой гараж на две машины, но без полов. Такого же красного кирпича хозблок с насосным оборудованием и автоматической поливной системой. В остальном территория было еще не облагорожена. Лукьяновы решили оставить до весны устройство патио и детской площадки для Оленьки.

Александра подвела дочь к машине и привычно нажала кнопку на брелоке. Дважды пикнула сигнализация, и выскочили из гнезд штырьки дверных запоров. Блаженное чувство! Эту машину – белый новенький «Понтиак» американской сборки – Михаил подарил ей прошлым летом. Саша закончила автошколу, уверенно сдала все экзамены и впервые выехала в город за рулем своей машины. Своей! Сама! Правда, первые несколько дней рядом сидел

муж. Но потом он убедился, что Саше свойствен здоровый страх, что ездит она осторожно, тормозит заранее и не резко, не лихачит. И в тот памятный август она стала выезжать одна. Несмотря на занятость мужа на работе, она обязательно ему звонила после каждой поездки. Все хорошо, без приключений. Правда, попался один урод, который подрезал ее на перекрестке, рванув из правого ряда прямо перед капотом в левый поворот.

Машина была нужна Саше, чтобы возить Олю в школу в Москву из загородного поселка. Была у Лукьяновых и городская квартира, но после того, как выстроили загородный дом, бывать там стали редко. Подумывали сделать там ремонт и подарить дочери на совершеннолетие. В загородный дом «ухались» страшные суммы денег, как в прорву. Благо, гостинично-ресторанный бизнес мужа шел успешно, потому что на чиновничьи его доходы такого строительства они бы не потянули.

Олю в прошлом году определили в частную школу. Там дочь проводила время до пяти часов вечера. С утра – уроки с непременно вторым завтраком, калорийный обед, развивающие мероприятия. Дважды в неделю экскурсии. После обеда – приготовление домашнего задания, игры, спортивные занятия, полдник.

Сегодня Саша не стала ждать окончания торжественной части открытия учебного года. Утром мог позвонить муж и сказать, во сколько должна была прийти новая домработница. Разговаривать за рулем по мобильному телефону Лукьянова пока не рисковала и хотела в этот момент быть уже дома.

Свернув в переулке к воротам своего дома, она вышла из машины, приложила магнитный ключ и дождалась, пока отползет в сторону воротное полотно. Калитку она тоже отперла, чтобы не бегать потом и не встречать у ворот домработницу.

– Саша! – послышался сбоку из-за кирпичного забора женский голос.

– Вероничка! Привет! – отозвалась Лукьянова. – Я сейчас.

Эту калитку сделали в заборе сразу. Саша еще в начале строительства дома как-то сдружилась с соседкой – молодой генеральшей Вероникой Завадской. Женщины ходили друг к другу через нее в гости, обсуждали свои женские вопросы, обменивались семенами цветов, рецептами. И еще тысяча причин была у женщин одного круга, чтобы встречаться и что-то обсуждать. Одна беда – мужья у них не очень сходились между собой. У Завадского был свой круг, чисто военный, у Лукьянова свой – чиновники и бизнесмены.

Саша открыла калитку. Вероника была в домашнем халате и с мокрыми волосами.

– Привет, Вероничка! Ты чего такая включенная?

– Ты не представляешь себе, подруга! – возмущенно заявила соседка. – Я два часа как дура просидела у стилиста. Мы только цвет почти час выбирали – и вот, полюбуйся.

– Мокрые волосы всегда выглядят не так, как сухие. А что же ты там, не видела, что за цвет? По-моему, ничего, темненькие.

– Мне обещали с темно-каштановым отливом, – капризно надула губы Вероника. – Надо менять салон! Слушай, Саш, а ты в какой ходишь? Ты прямо конфетка.

– В «Гармонию».

– А где это? Дай телефон.

– Заходи, – предложила Лукьянова, посторонившись.

– Я тут подожду, Саш, – лениво махнула рукой соседка и томно улыбнулась. – У меня шезлонг новый, я еще его толком не обседела и не облежала.

– Ладно, облеживай свой шезлонг. Я сейчас принесу. У меня где-то визитка «Гармонии» была.

Не закрывая калитки, Лукьянова повернулась и пошла к дому. Уже около ступеней она услышала, как на заднем дворе что-то упало. «Собака, что ли, забежала?» – подумала женщина. Она обогнула дом и стала искать глазами источник шума. Двор был пуст. Та же стопка привезенного кирпича у задних ворот, куча песка, лопата у калитки, гора щебня. Может, у

лестницы в полуподвал, где котел? Лукьянова двинулась в сторону низкого входа с козырьком, и тут спину под левой лопаткой рвануло огнем. Женщина пошатнулась, хватая воздух широко открытым ртом. Еще два тупых удара толкнули ее в спину, заливая грудную клетку диким пламенем. Потом в глазах пропала резкость, дом поплыл в сторону, а перед лицом появилась земля...

* * *

О том, что у него день рождения, Гуров вспомнил сразу же, как только отступил сон и явь стала наполнять его сознание звуками автомобильных моторов за окном, запахом кофе с кухни и бормотанием телевизора. Маша уже встала.

Гуров с удовольствием потянулся под одеялом и повернулся на бок, уткнувшись лбом в подушку жены. От подушки приятно и знакомо пахло ее теплом, ее шампунем и немного ее лаком для волос. Подушка была уже холодной, значит, Маша встала давно. О, сладкий миг! Но и ты должен пройти. Потому что впереди другой миг – ежегодного ритуала утреннего поздравления. И хотя каждый знал досконально, как все будет происходить, будь то день рождения его, Льва Ивановича, или день рождения его жены, Маши, спектакль разыгрывался. Лев Иванович всегда узнавал, какой она собиралась сделать ему подарок. И всегда в соответствии с ритуалом разыгрывал удивление и радость. Впрочем, он не исключал, что и Маша, при ее-то профессии, тоже играла несказанное удивление. Но соблюдение ритуала – дело святое.

Как обычно, дверь в спальню неслышно отворилась. И каждый раз казалось, что Маша каким-то невероятным чутьем поняла, что Лева проснулся. Хотя желчный рассудок матерого сыщика тут же все портил, напоминая, что у жены перед глазами часы и она знает, во сколько нужно будить мужа. Тихо прошелестят шаги, звякнут по багетке колечки, и шторы распахнутся во всю ширь окна. И в спальню, наполненную теплом и уютом предутреннего сна, хлынет солнечный свет. Иногда, правда, врывается шум дождя и по причине отсутствия солнечного света зажигалась люстра. Но такое бывало редко. Обычно в день рождения Гурова погода баловала именинника солнцем.

Льву Ивановичу вдруг нестерпимо захотелось сегодня сломать все стереотипы. Он откинул одеяло и бодро уселся на кровати. На большее бодрости у него не хватило, и он снова сладко потянулся.

В такой позе Маша его и застала, неожиданно и тихо приоткрыв дверь.

– Ух, как сладенько! – нежным голосом умилилась жена. – Именинник наш проснулся.

Быстро подбежав, она заскочила с ногами на кровать и чмокнула мужа в щеку.

– С днем рождения! Ой, какой колючий... А мы это дело поправим!

Маша подошла к платяному шкафу, порылась в нем и извлекла коробку, обернутую блестящей подарочной бумагой и перевязанную ленточкой с бантиком.

– Муж должен быть гладеньким...

– Как поросенок, – продолжил Гуров мысль, с улыбкой принимая подарок.

– Поросенок, к вашему сведению, щетинистый и колючий.

– Я буду гладкий поросенок, – пообещал Гуров, разворачивая коробку.

Он прекрасно знал, что Маша напрягла его друга и напарника Стаса Крячко и затащила в магазин для квалифицированного выбора подарка. И выбрали они наверняка бритву. Потому что старая бритва Гурова уже не держала зарядку и ее приходилось заряжать каждый день. В условиях частых командировок это было не очень удобно. Так и есть – навороченный «Филипс» с самоочищающимися головками.

Гуров быстро позавтракал, собрался, побрившись новой бритвой, и, чмокнув Машу в щеку, убежал на работу. У жены откровенно закрывались глаза. Вчера у нее был спектакль,

и возвращалась она в такие дни из театра далеко за полночь. Сейчас опять завалится на кровать.

Поздравлять и жать руку коллеги начали еще на улице. Уже в коридоре Гурова оглушила дудка футбольных болельщиков. Довольный произведенным эффектом, Крячко громкогласно объявил, что виновник торжества наконец явился, и полез обниматься. На шум собралось человек шесть оперативников, которые, толкаясь и перебивая друг друга, лезли хлопать по плечам и снова жать руки.

– В ознаменование двух знаменательных дат, простите за тавтологию, – торжественно произнес и поклонился публике Крячко, – мы хотим приподнести имениннику наш скромный и памятный подарок!

С этими словами Стас извлек из стола пакет и протянул его Гурову. Лев Иванович боязливо принял подарок. От изобретательного и неугомонного Крячко можно было ожидать любого сюрприза.

– А какая вторая знаменательная дата? – поинтересовался Лев Иванович, взвешивая пакет в руке. Кирпича там явно не было.

– Вторая? – изумился Крячко. – Так день рождения же у тебя сегодня! Я не перестаю удивляться Гурову. Как он при такой рассеянности смог...

– Ладно, ладно, – рассмеялся Гуров, поняв, что снова попался на очередную хохму Стаса. – А первая знаменательная дата?

– Вот я и говорю, – мгновенно среагировал Крячко, – при рассеянности полковника Гурова, который не помнит, что по четвергам у нас спортдень, нам ничего не оставалось, как взять и напомнить об этом самым подарком, который обязан не только сегодня, но и ежечетвергню напоминать нашему коллеге...

Громкий хохот тех, кто не был в курсе, заглушил словоблудие Стаса. Гуров держал перед собой развернутую серо-синюю футболку, на которую методом какой-то там печати было нанесено изображение полковничьих погон и форменного галстука. Как и следовало ожидать, спортивные трусы комплекта были с офицерскими лампасами и изображением кобуры справа от поясицы.

Естественно, посыпались шутки и комментарии. Прошлись по возможному аналогичному варианту ночной пижамы и вообще необходимости сходить в салон тату, для увековечивания данных атрибутов прямо на теле. Крячко тут же опроверг эти поползновения намеком, что папа именинника дослужился до генерал-лейтенанта, поэтому не следует ограничивать перспектив карьерного роста. Делать дорогие подарки в главке было принято лишь юбилярам, по круглым датам. Тогда начальство выделяло некую сумму, сослуживцы добавляли, и торжество проходило по полной программе. То есть с накрыванием стола. В иные даты обычно дарили что-нибудь памятное, больше для веселья и поднятия настроения. Наибольшей изобретательностью отличался Крячко, к которому бегала половина сотрудников за советом.

Гомоня и посмеиваясь, оперативники потянулись наконец в коридор. На утреннюю планерку опаздывать было не принято.

– Ну, именинник, дай пожму руку! – вышел из-за стола генерал Орлов. – Поздравляю, присоединяюсь.

Около одиннадцати, когда Крячко уже уехал работать по своему плану, а Гуров сидел за бумагами, зазвонил внутренний телефон. Орлов пригласил Гурова зайти к нему срочно. Сыщик давно изучил все интонации голоса своего начальника. Прозвучавшая сейчас означала, что случилось нечто неприятное. Преступление – всегда штука неприятная, но сыщики к этому привыкли по роду своей работы. А вот когда случается нечто, после чего следует звонок сверху и когда голос сверху интересуется ходом розыска и просит (или рекомендует, что гораздо неприятнее) сделать все возможное и невозможное по раскрытию данного дела,

потому что... Преступления разные, а вот эти «потому что» всегда одинаковые. Потому что это наш долг, потому что подняли руку на власть, на человека, который так много делает или сделал, который... и так далее и тому подобное.

– Юрово знаешь? – без всяких предисловий задал вопрос Орлов, когда Гуров вошел к нему в кабинет.

– Коттеджный поселок, – ответил сыщик, вглядываясь в лицо Орлова и пытаясь понять степень грозящих лично Петру Николаевичу неприятностей. В том, что звонок сверху уже был, можно не сомневаться. – Не Рублевка, конечно, но можно назвать его и элитным. Большое ЧП?

– В загородном доме час назад обнаружено тело женщины со следами огнестрельных ранений.

– Ясно, – кивнул Гуров. – А муж большая «шишка»...

– Почему обязательно шишка? – недовольно осведомился Петр Николаевич, но без большого энтузиазма. Кажется, Гуров не ошибся. – Убийство – это по нашей линии.

Гуров не стал возражать, решив, что начальству самому виднее, как все объяснить. Поселок Юрово на Машкинском шоссе недалеко от Ленинградки – это зона Киреева и Петухова. С молодым лейтенантом Петуховым Гурову работать приходилось. Толковый паренек, но опыта у него мало. Майор Киреев в МУРе уже лет пять, но человек он, при всей своей основательности, медлительный и флегматичный. И очень любит спорить с начальством. И очень не любит, когда его торопят. Орлов с этим мирится, но в таком деле возможны контакты сыщика и с кем-то сверху. Ох и наслушается Петр Николаевич, доведись кому из министров встретиться с Киреевым и попытаться кто из них пошевелить майора. Да и дело пахнет, похоже, не заурядным убийством на бытовом уровне.

Но, опять же, это дело МУРа. Почему Петр решил подключить сотрудников возглавляемого им Главного управления уголовного розыска МВД? Значит, опять политика внутри министерства.

– Убита некая Александра Лукьянова...

– А кто муж? – тут же поинтересовался Гуров.

– Лукьянов Михаил Александрович, второе лицо Северо-Западного округа. Супруга убита тремя выстрелами в спину. Имеет место проникновение в дом. Сейчас там работают эксперты.

– Муж наверняка еще и бизнесом занимается?

– Давай не будем гадать на кофейной гуще, – не столько сделал замечание, сколько попросил Орлов. – На месте работает группа. Найдешь опера – капитана Сузикова. Подключайся.

– Сузиков? – удивился Гуров. – Такого в МУРе я не знаю. Из новеньких?

– Заодно и выяснишь.

– Крячко...

– Позвони и введи в курс дела. Утром я разгружу вас с ним от части дел.

– Спасибо, – улыбнулся Гуров. Такие подарки начальство делает нечасто. В исключительных случаях. Лишний повод думать о важности этого дела.

– Должен будешь, – скупое усмехнулся Орлов. – Возьми оперативную машину.

Спускаясь по лестнице во двор, Гуров попытался составить первое впечатление исходя из имевшейся информации. Заставят гнать дело – неизбежно. Стрельба в загородном поселке, где имеют дома солидные люди, – значит, стреляли с глушителем. Значит, преднамеренное убийство. Три выстрела – для киллера многовато, хотя все зависит от обстоятельств. Например, он ее подкарауливал, а на него бросилась дворовая собачонка. Женщина могла обернуться, поэтому пришлось стрелять навскидку, а собака мешала целиться. Если киллер – то заказное. Если ограбление, значит, дом пасли, примеривались. Могут быть ана-

логи. Муж чиновник, бизнес имеет. Не наказание ли за несговорчивость? Или предупреждение от конкурентов...

Необходимости, а тем более пользы в этих рассуждениях не было никакой. Просто мозг привычно стал прокручивать возможное развитие событий исходя из обстоятельств. Скорее всего, эти мысли в голове сыщика можно было назвать разминкой перед предстоящим соревнованием с преступником. Тот пытается все предусмотреть и скрыть свое участие. Сыщик пытается найти то, чего преступник не предусмотрел. То, что поможет определить преступника и изобличить его. И вот так всю жизнь. Только иногда эти «соревнования» попадают в рамки «показательных выступлений». Это когда дело на контроле «вверху» или когда на оперативников давят иные инстанции. Тут себя и начинаешь чувствовать, как на стадионе перед трибунами. Все на тебя смотрят, все тебя оценивают, каждый твой шаг. Даже те, кто в этом «виде спорта» ничего не понимает. Тот, кто не понимает, больше всего и давит.

* * *

Межшкольные соревнования по волейболу заканчивались вместе с короткими зимними каникулами. Последняя игра ничего уже не могла изменить в рейтинге. Команда мальчиков 1024-й школы выходила на первое место.

Антон Филиппов поймал мяч, брошенный ему со стороны противников. Дважды стукнув его об пол, он привычно нашел безымянным пальцем точку ниппеля, покрутил мяч вокруг своей оси. На задней линии противников стоят два слабых игрока. Они только что бездарно не взяли мяч с его подачи, понадеявшись друг на друга. Антон решил, что снова стоит наказать их. Мяч взлетел над головой, короткий удар основанием ладони. Команда противников шевельнулась на своих местах, пытаясь определить точку падения. Мяч взлетел по высокой дуге и пошел в конец площадки. Оп! Левый игрок присел, рассчитывая, что мяч улетит за границу площадки. Как бы не так! Мяч аккуратно ударился в игровое поле почти на линии. Лопухи!

Антону нравилось играть в волейбол, потому что у него это получалось. Особенно хорошо у него удавались подачи. Внутри все млело, когда он вот только что слышал, как девчонки из местной школы пискнули обреченно:

– Опять «десятый» подает!

Еще бы. Три подачи, и каждый раз он «воткнул» по мячу. Любил Антон, когда его хвалили.

Хлопнув небрежно по рукам своих пацанов, Антон со своим закадычным другом Мишкой Лукьяновым отправился домой. Разгоряченные игрой, переполненные впечатлениями, мальчишки решили, что лучше всего пройтись по морозцу пешком.

– Разнесли мы их в пух и прах! – довольно заговорил Антон. – Местные заметили, как я встаю на подачу, так все, собирай мячи.

– Ладно, мы тоже не без дела стояли, – пихнул друга локтем Мишка. – Если бы мы в поле лопухались, то грош цена твоим подачам. Только три подачи и проиграли!

– Ну, вообще-то да, – вынужден был согласиться Антон.

– Да не «вообще-то», а точно. Главное – тактика в игре. Ты вот на подаче хорошо играешь, а на розыгрыше слабоват. Надо везде уровень иметь.

– Кто бы говорил, – ехидно заметил уязвленный Антон. – Что же ты больше одного мяча никогда не подаешь?

– Между прочим, для современного волейбола подача такой роли уже не играет. Уровень вида спорта стал выше. Лет тридцать назад японские команды на подачах вылезали, тогда это было в новинку. А сейчас все научились и подавать, и брать любые подачи. Теперь в игре главное – тактика, розыгрыш мяча. Борьба тактик, борьба комбинаций...

– И это, по-твоему, красивая игра? – усмехнулся Антон. – Тысяча обманных прыжков, обманных ударов... Красиво, когда бьешь, а твой мяч взять не могут.

– Не могут олухи, которые сегодня с нами играли, – снисходительно ответил Мишка. – А чуть посерьезнее противник – и грош цена твоим подачам.

– Что ты заладил – «грош цена» да «грош цена»? – начал злиться Антон.

– Да ладно, что ты! – примирительно засмеялся Мишка и толкнул друга на накатанную ледяную дорожку на тротуаре. – Это я так. Объясняю просто, чтобы не сильно обольщался.

В этом был весь Мишка Лукьянов. Огорошит, пнет ногой по любовно выстроенному воздушному замку, разрушит все, а потом начнет объяснять, что так правильно. На все у него есть ответ, по любому поводу у него есть свое мнение. Причем отличное от взглядов Антона. Это немного обижало, но и забывалось быстро. Главное, что они были друзьями, а других друзей у Филиппова не было. Как-то Антон сильно обиделся на друга, решил даже не здороваться с ним на следующий день и попросить пересадить на другое место в классе. Неожиданно угрюмые размышления на эту тему привели к страшному открытию. Если Антон перестанет дружить с Мишкой Лукьяновым, то он останется один. Просто один. Отношения с другими одноклассниками у него были ровными, нормальными, но не более того. Его не отвергали, не прогоняли, когда он пытался примкнуть к той или иной компании, группе. Просто через некоторое время Антон начинал ощущать себя там инородным телом, пустым местом. Он, как личность, никого не интересовал, кроме Мишки.

Дикая тоска навалилась на Антона, когда он осознал, что его нормальная и комфортная жизнь в классе была связана только с Мишкой. Только ему он мог рассказывать о своих мыслях, только с ним можно было говорить и быть услышанным. Только у него было желание проводить с Антоном время. У Мишки это было потребностью. В причинах этой потребности Антон не пытался разобраться. Он даже не думал о них. Ему было важно наличие друга, важен сам факт этого.

Они были очень разными. Миша Лукьянов уже в десятом классе хорошо знал, чего он хочет. У него не было еще конкретной цели в жизни, но общее направление уже сформировалось. Для того чтобы чего-то достичь в жизни, нужен приличный аттестат. И не только это. Чтобы поступить в вуз, нужны знания, нужно успешно сдать вступительные экзамены. И Лукьянов старательно учился, спокойно и методично. Правда, он уделял такое серьезное внимание не всем предметам, а только основным – тем, которые ему понадобятся в будущем. Зачем ему география, биология, химия? Это все второстепенные предметы, которые никак не могли повлиять на будущее. А вот математика, физика, история, русский язык и литература, английский язык – это те предметы, которые входят в состав перечня вступительных экзаменов практически любого вуза. Хоть университет, хоть технический вуз, хоть экономический, хоть юридический. И по этим предметам Лукьянов буквально блистал на уроках, радуя учителей.

Да и спортом Михаил занимался без фанатизма, а лишь «для общего развития». Его никогда не интересовали такие виды, как легкая атлетика, борьба, бокс. Этим нигде не блеснешь, разве только в драке, а драться руками Лукьянов и не собирался. Драться нужно головой, в переносном смысле, конечно. И Миша научился хорошо и правильно играть в волейбол, баскетбол, футбол. То есть учился тому, что позволяло бы ему быть на высоте на отдыхе в приличной компании. Он с удовольствием занялся бы большим теннисом, но найти такую секцию было сложно. Это Лукьянов оставлял на потом.

И книги Михаил читал правильные. Вдумчиво и старательно читал классику, что входила в школьную программу. Читал зарубежную классику, которая была на слуху, о которой говорили, рассуждали, на которую ссылались взрослые солидные дяди. Знать которую, как он считал, было правилом хорошего тона. И он читал. Старался понять, прочувствовать, запомнить. Но исключительно для пользы дела. Опять для «общего развития».

Антон был другим. Нельзя сказать, что он был лодырем. Нет, просто он любил заниматься только тем, что ему нравилось. А то, что ему нравилось, редко совпадало со школьной программой. Когда по истории проходили древние и Средние века, Антон читал запоем не только учебник, но и детскую энциклопедию, художественные книги. Отвечая на уроке домашнее задание, он порой поражал учителей и одноклассников удивительными и незнакомыми подробностями. Потом пришло время изучать Новую и Новейшую историю, и интерес Антона угас.

В восьмом классе неожиданно из школы ушла учительница математики, и классу дали другого – пьющего мужчину, от которого иногда и на уроке пахло алкоголем. Но уроки проходили так интересно, что Антон полюбил алгебру, удивительное превращение одних формул в другие. Он с большой охотой и с блеском решал у доски огромные уравнения. Решал и получал «пятерки». Но с началом нового учебного года пришла другая учительница, и уроки математики снова стали скучными, непонятными, тоскливыми.

Тогда же в десятом классе Антон увлекся рисованием. Сначала это были какие-то фантазмагорические наброски на полях учебников и черновиках. Потом появились отдельные тетрадные листки, и на каждом из них присутствовали фантастические монстры в дикого вида скалах или искореженных лесах. На этих монстрах восседали или сражались с ними мускулистые герои с не менее фантастическим оружием. Преимущественно холодным. Такие же полуголые девицы с впечатляющими формами помогали героям. Или герои спасали их из страшных когтей.

Любой психолог сделал бы, глядя на эти рисунки, однозначный вывод о неуверенности художника в себе, о стремлении уйти от проблем окружающего мира в мир воображаемый, где он лидер и личность. И о склонности к депрессиям на почве собственных многочисленных комплексов. Но под рукой психолога не было, и рисунков Антона практически никто не видел.

* * *

В загородный дом Лукьяновых Гуров приехал, когда тело убитой собирались увозить. Капитан Сузиков был румяным щекастым парнем с веселыми глазами. Сыщику почему-то подумалось, что капитан должен обладать той же особенностью, какой обладал в его возрасте сам Гуров. Краснеть при любом удобном случае.

Надо отдать должное выдержке молодого капитана. Ни словом, ни движением брови он не выдал своего удивления по поводу приезда знаменитого «важняка» из главка. Раз приехал, значит, дело на контроле. А то, что приехал именно Лев Иванович Гуров, было даже хорошо. Вряд ли в Москве можно было найти опера, который не слышал бы о полковнике Гурове и полковнике Крячко. Матерые сыскари!

Пожав руку полковнику, Сузиков подвел его к телу женщины.

– Три пули с близкого расстояния, – прокомментировал капитан и ткнул пальцем в землю слева от себя. – Стреляли примерно вот отсюда. Одна пуля, вероятно, пробила легкое, вторая попала в сердце, третья – в позвоночник.

– Именно в таком порядке? – усмехнулся Гуров.

– Н-нет, – смутился Сузиков и покраснел. – Я к тому, что два ранения из трех были смертельными.

– Любишь ты, Никита, как я погляжу, спешить с гипотезами...

– Товарищ полковник, – теперь Сузиков покраснел от возмущения. Румянец залил обе его щеки полностью. – Я не первый день в милиции...

– А какой? – улыбнулся Гуров запальчивости молодого капитана. – Ладно, шучу. Для удобства меня зовут Лев Иванович.

– Я знаю, – неожиданно заявил Сузиков.

– И это знаешь? Ладно, Никита, валяй с выводами, только, будь добр, аргументированно.

– Судя по положению тела, – тут же начал капитан, – погибшая не успела сделать ни шага после первых же выстрелов и тут же повалилась на землю лицом вниз. Дальше. С учетом того, что открыты все три калитки на территории участка – к соседям, рядом с воротами у въезда и вот эта калитка, ведущая на пустырь, – убийца должен был опасаться, что его увидят, если кто-то неожиданно войдет с улицы.

Гуров крутил головой, присматриваясь к перечисленным капитаном объектам. Он не успел осмотреть всю территорию и досконально место происшествия, поэтому молчал и слушал сыщика, который все это сделать успел.

– Соседка сидела в шезлонге на своем участке в десяти метрах от калитки. Задняя была открыта, я предполагаю, самым убийцей. Значит, опасаться неожиданных свидетелей ему нужно было только с лицевого фасада дома. Вот и смотрите, где он мог встать. А ему ведь еще нужно было где-то и спрятаться в ожидании своей жертвы. Кроме как вон за тем штабелем кирпичей у забора, не спрячешься. Только оттуда самое короткое расстояние в двенадцать метров до точки, откуда можно было стрелять. Вот и все.

– Логично, Никита, – кивнул Гуров. – Только смысла в таких умозаключениях я не вижу. Будут результаты вскрытия, будет заключение баллистиков-трассологов. Что это все тебе сейчас дает?

– Сейчас мне это дает версию об ограблении, совершенном человеком, который был вхож в этот дом. Это не профессиональный киллер, хотя стреляли наверняка из оружия с глушителем.

– Отсутствие контрольного выстрела в голову?

– Разумеется, Лев Иванович. Если это заказное убийство, киллер обязательно бы поставил надежную точку. Согласитесь, что три пули могли не оказаться смертельными. Сантиметр в сторону от сердца, полсантиметра от позвоночника... Да и целых три выстрела в туловище, знаете ли, наводят на размышления.

– И еще знал, где прятаться, знал, как открыть заднюю калитку, – добавил Гуров. – Ты это имеешь в виду?

– Да. Только задняя калитка у них, как бы это сказать, временная. Она давно не запиралась на навесной замок. Пользовались лишь простой задвижкой изнутри. А еще из сумочки убитой извлечена связка ключей от дома. Там три ключа: от ворот, калитки к соседям и входа в дом через тепловой узел. Преступник попал в дом именно через эту дверь.

– Ладно, Никита, с этим я все понял. Только мой тебе совет – не зашоривай себе глаза скоропалительными выводами. Потом от них трудно будет отвязаться... Муж, свидетели, похищенное?

– Соседку сейчас допрашивают. От самого Лукьянова толку мало. Сами понимаете, в каком он состоянии. В доме работают эксперты. Еще час или два, и выяснится, что пропало из ценностей.

– Тогда заканчивай. Завтра утром я буду у тебя в МУРе, там и посвятишь во все, что вскрыется.

Гуров хлопнул капитана по плечу и медленно прошелся по двору. Его заднюю часть не успели до конца облагородить. Тут и строительные материалы, и строительный мусор. Все усыпано щебнем и битым кирпичом. Ясно, что следов тут не найдешь. Когда-то покрытые серой грунтовкой ворота и такая же металлическая калитка рядом с ними. Их ни разу в жизни не красили. Ясно, что эти ворота используются для завоза стройматериалов. Временные они – или покрасят, или заменят, когда все будет закончено.

Гуров потянул на себя калитку. Она открылась без скрипа. Сыщик тут же сделал себе в памяти заметку по поводу петель. Хозяйева такие аккуратные, что даже хозяйственные ворота с калиткой регулярно смазывают? Или преступник постарался, чтобы обезопасить себе попадание на территорию?

Пустырь, который примыкал к забору с задней стороны дома, давно зарос травой. Местами она была примята колесами грузовиков, которые подъезжали пару раз за это лето. Да, найти тут следы легковой машины, если таковая и подъезжала, практически невозможно. И все же...

Гуров вернулся на территорию дома. Со стороны переулка в калитку валила толпа в милицейской форме. Если это то, о чем подумал Гуров, то Сузиков молодчина. Гуров окликнул капитана, который снова появился во дворе.

– Взвод курсантов из Юридического института МВД, – пояснил Никита. – Хочу квалифицированно прочесать пустырь в обе стороны до дороги. Безнадега, конечно, но если это не профессиональный киллер, то следы могут быть.

Гуров кивнул одобрительно. Сузиков начинал ему нравиться. Торчать тут дальше смысла не было, если уж не получилось приехать на место вместе с оперативно-следственной группой. Пусть работают специалисты, а остальное можно отложить и на завтра. Сегодня предстояло кое-что завершить по собственным делам, чтобы с утра полностью переключиться на убийство Лукьяновой.

После того как Гуров рассказал об убийстве Крячко, ему самому преступление уже перестало казаться заурядным. Безусловно, версий на начальном этапе выдвинуть можно сразу несколько. Но все они будут базироваться на опыте сыщиков. И убийство с целью ограбления, и убийство, имеющее целью устранить человека из определенных побуждений. Побуждения, правда, могут быть довольно разнообразными. Например, припугнуть мужа, если он имеет отношение к решению каких-то значимых вопросов как чиновник или бизнесмен. Или сам муж является заказчиком и хочет избавиться от жены. В этом случае она должна быть очень богата. Бывает, что и из-за молодых любовниц устраняют надоевших жен. И сами любовницы иногда устраняют соперниц.

Вариантов много, пока не собрано достаточное количество улик. Но что-то тут не укладывалось в обычные рамки. Какая-то половинчатость уже намечалась. Во-первых, действия похожи на действия профессионального киллера. Но только похожи. Слишком много несуразностей. Стреляли с глушителем, бесспорно. Гильзы собраны, нормально. И в доме наверняка что-то пропало. Все складывается в убийство с целью ограбления или имитации цели ограбления. Но! Три выстрела в спину без гарантии нанесения смертельных ранений... Так просто не определишь, умрет ли жертва. От таких ранений мгновенная смерть практически не наступает. Несколько минут еще сохраняются признаки жизни. Киллеры так не поступают. Один, максимум два выстрела, а потом контрольный в голову, за ухо. Или сразу выстрел в голову, а потом обязательный контрольный, если первым выстрелом не снесено полголовы. Имитация того, что поработал профессиональный киллер? Глупая, кстати, имитация. Киллер не стал бы терять время и подбирать гильзы. Он все равно бросил бы оружие, потому что он дважды один ствол не использует. Стрелял непрофессионал? Тогда это не заказное убийство. Кто-то из грабителей? Больше походит на это, но тогда много вопросов возникает с признаками того, что жертву подкарауливали.

К таким преступлениям обычно готовятся. Изучают распорядок дня хозяев дома, который наметили себе для ограбления, выбирают наиболее подходящий момент. Лукьянова два часа отсутствовала дома. За это время можно его обчистить как следует. Камер видеонаблюдения нет. Сигнализация? Надо уточнить завтра, успела ли Лукьянова снять дом с пульта, прежде чем ее застрелили. Это единственное объяснение. Ее могли ждать только для того, чтобы она сама сняла сигнализацию.

Все, хватит ломать голову, пока нет достаточной информации, в который уже раз говорил себе Гуров. Однако не думать об этом он уже не мог. И весь вечер дома с Марией был немногословен и задумчив. Жена, привыкшая к таким ситуациям, поняла все правильно, не стала приставать с расспросами.

Утром Гуров встретился с Крячко на Петровке. В кабинете капитана Сузикова было шумно после утренней планерки. Судя по количеству столов, кабинет занимало сразу четверо оперативников. Полковники из главка – всегда явление впечатляющее, поэтому кабинет быстро опустел. Гуров покрутился в тесном помещении и уселся на небольшом диване в сторонке, рядом со столом, уставленным чашками и тарелками. Крячко хмыкнул, прикинув, что вдвоем на маленьком диване полковники будут выглядеть несколько комично. Стас уселся на стул возле стола Сузикова.

– Ну, давай посвящай, – деловито сказал Крячко и потер руки, как будто его собирались угощать чем-то вкусным.

– Ситуацию я в целом обрисовал, Никита, поэтому начинай с новостей, – подсказал Гуров со своего дивана, где он блаженно вытянул ноги.

– А вы дело у меня забирать будете или как? – сразу же поинтересовался капитан.

Крячко вопросительно глянул на Гурова.

– Или как, – ответил Лев Иванович. – Указаний не было. Считай, что мы напарники, но дело ведешь пока ты. Задание от следователя уже получил?

– Сегодня в двенадцать велено явиться в прокуратуру.

– Так что за вчера успел еще сделать?

– Подворный обход ничего не дал. Ни посторонних лиц, ни посторонних машин.

– А пустырь? – напомнил Крячко, которому Гуров рассказал, что с этой стороны прилегающую к коттеджам территорию прочесывали курсанты.

– Утром проезжали два «КамАЗа» с кирпичом. Но это через три дома от нашего. С хозяином я переговорил, номера машин есть. Сегодня встречаюсь.

– Это хорошо, – согласился Гуров со своего дивана. – Эти могли видеть оставленную машину убийцы. Что говорят эксперты?

– «Пальцев» в доме не нашли.

– Вообще? – удивился Крячко.

– Только мужа, погибшей Лукьяновой и бывшей домработницы. Эту я вчера вечером выдернул сюда. Откатал, допросил. – Сузиков уловил выражение лица Крячко и отрицательно покачал головой. – Иметь в виду будем, но на версию домработница не тянет. Очень позитивная, жизнерадостная женщина. Уволилась от Лукьяновых два дня назад. И причина реальная: у нее дочь родила, вот и бросила работу, чтобы помогать нянчить внучку.

– Ну-ну, – с укором заметил Крячко. – Ты ее не отметай. Она могла быть вольным или невольным соучастником.

– В принципе могла, – согласился капитан. – Кстати, ключей никто не терял, замки отпирались только «родными» заводскими ключами. Результаты вскрытия интересны?

– У вас тут все такие веселые? – состроил ироническую гримасу Крячко.

– Виноват, товарищ полковник, – изобразил смущение Сузиков и покраснел. – Просто я тоже позитивный. По натуре.

– Не отвлекайся, – подал голос Гуров с дивана.

– Зачитываю, – доставая из папки листы бумаги, сказал Сузиков. – Так... температура тела и температура окружающей среды... вот, смерть наступила примерно в девять часов утра. Дальше. Форма и величина каждого из трех входных пулевых отверстий... распределение вокруг пулевых отверстий остатков продуктов сгорания пороха... свидетельствует о том, что выстрелы были произведены с расстояния трех-пяти метров.

– А сами пули? – нетерпеливо спросил Крячко.

– 9 миллиметров, «макаровские». Правда, ствол не стандартный. Эксперты говорят, что повреждения оболочек пуль при прохождении через канал ствола во время выстрела соответствуют переделке травматического оружия под «макаровский» патрон.

– Жаль, – вздохнул Крячко. – Это уже из разряда иголок в стогах сена. Этих «травматиков», будь неладны наши законодатели, по стране сотни тысяч бродят. Тут глухо как в танке. Да, это не киллер.

– А если очень хитрый киллер? – прищурился Сузиков.

– Такие стволы бросать не жалко. Им цена тьфу. А киллеры пользуются надежным, дорогим. И то бросают. Ты что же, думаешь, что киллер после убийства потащил эту пукалку с собой, чтобы спалиться на первом же посту ГИБДД? Нет, капитан, есть вещи, по которым можно безошибочно определить, кто стоял за преступлением.

Ища поддержки своим словам, Крячко повернулся к Льву Ивановичу. Но Гуров молчал, откинувшись головой на спинку дивана и глядя в потолок.

– Согласен с вами, – со вздохом сказал Сузиков. – Такие самodelки использует шантрапа для дешевых грабежей. Какая уж из них прицельная стрельба, и надежность тоже... – Тут капитан снова загорелся глазами. – А может, потому три выстрела и сделано, что были сомнения в надежности оружия. Тогда опять возникает вариант опытного человека.

– Ты ствол нашел? – многозначительно поинтересовался Крячко. – Нет. Автоматически возвращаемся к исходному. Как говорили древние мудрецы – не усложняй без меры.

– В том смысле, что подобное надо объяснять подобным?

– Гляди, Лева, – Крячко снова повернулся к Гурову, – какой опер нынче начитанный пошел.

Гуров все так же молча таращился в потолок.

– Или залетные «гастролеры», – уверенно сказал Крячко, – или местные. Но те, кто связан со строителями. В поселке ведь есть еще коттеджи, где работы не закончены?

– Глупо! – вдруг недовольно сказал Гуров и рывком встал с дивана. – Все очень глупо и неправильно. И дурацкий пистолет, и три выстрела. А в придачу еще и глушитель! И время выбрано по-дурацки, и пистолет увезен с собой...

Сыщики с удивлением смотрели на Льва, который возбужденно вышагивал по кабинету. Неожиданно Гуров остановился около стола Сузикова и заговорил, глядя только на стол. При каждой произнесенной фразе он ударял костяшками пальцев в стол.

– Нормальный преступник дождался бы, когда жертва войдет в дом, раз уж получилось так, что она вернулась. Но преступник не пошел, он вытащил из сумочки жертвы связку ключей и вошел в дом через дверь теплового узла. Откуда он знал, что в сумочке лежат эти ключи?

– Значит, это кто-то из окружения семьи? – мгновенно спросил Сузиков.

– Или не знал, – ответил себе Гуров. – Не знал, но залез в сумочку и обнаружил.

– Сумочка убитой была закрыта, – пояснил Сузиков. – Это зафиксировано в протоколе осмотра места происшествия. Или Лукьянова держала ключи в руке, или преступник залез в сумку, достал ключи и закрыл ее снова.

– Вот я и говорю, что все глупо, – снова сказал Гуров в крышку стола.

– Стоп, Лева, спокойно, – уверенным тоном вставил Крячко. – Мы еще не слышали, что показал осмотр дома.

– По свидетельству мужа погибшей, – заговорил Сузиков, – в доме практически ничего не тронута и не сдвинуто с места. Супруги – люди очень аккуратные. Единственное, что пропало, это небольшая шкатулка черного дерева с инкрустацией под черное серебро. В этой шкатулке Лукьянова хранила свои драгоценности. В общей сложности тысяч на пятьдесят. Перечень составлен. С описанием.

– Кстати, – теперь Гуров уже посмотрел на капитана, – помнится, что на теле драгоценности были.

– Да, я помню, – согласился капитан. – Обручальное кольцо с пятью мелкими бриллиантами и перстень с топазом. В ушах золотые серьги, а на шее золотая цепочка с золотым крестиком. Тоже, надо сказать, не дешевым.

– Очень странный грабитель, – сказал Гуров, теперь уже посмотрев на Крячко.

– Как раз тут я и не согласен, – развел руками Стас. – Убил – и бегом в дом. А там его что-то вспугнуло, или лимит времени был исчерпан. Вот и схватил то, что наиболее ценно и легко унести. А про украшения на жертве впопыхах и забыл. Новичок в этом деле, к примеру.

– К примеру, – задумчиво сказал Гуров. – Ладно, сыщики, давайте работать. Пока нет иных доказательств, опираемся в работе на две версии...

– Одну нам начальство не простит, – кивнул Крячко.

– Первая налицо, – продолжал Гуров, – убийство с целью ограбления. Самая простая и самая трудоемкая. Ты, Никита, бери бумагу, и к обеду чтобы у тебя был готов круг подозреваемых. И план работы по нему соответственно. Отдельно – план работы по варианту «гастролеры». Запросы, ориентировки и все остальное, как положено. Участковых запрягай на полную катушку. Установить всех, кто бывает или бывал в последнее время в поселке из числа тех, кто там не живет. По этой версии работаешь самостоятельно. А вот второй мы займемся сами с полковником Крячко. Так что, Стас, тебе сочинять план работы по второй версии.

– Убийство на почве личной неприязни? – хмыкнул Крячко.

– Разумеется. Если убили, то причина была. Либо вещи хорошие, либо человек плохой. Нам с тобой, Стас, предстоит пройтись вдоль и поперек по всему окружению семьи Лукьяновых и...

– И окружению самого мужа убитой в рамках его профессиональной деятельности, – добавил Крячко.

– Вот этим ты лично и займешься, – кивнул Гуров. – На тебе все, что может увести в префектуру и в его частный бизнес, если таковой имеется. Судя по дому – имеется, иначе бы Лукьянов уже сидел за взятки в особо крупных размерах. А я займусь личными связями, друзьями, собутыльниками, завсегдатаями одних и тех же мест тусовок и всей прочей клоакой, в которую периодически окунаются власть и деньги имущие. Штаб назначаю на Петровке. В четырнадцать ноль-ноль сдаете мне планы розыскных мероприятий, потому что после обеда мне при любом раскладе придется докладывать начальству. В двадцать ноль-ноль собираемся и обмениваемся результатами.

Тощее пока «дело» Гуров забрал с собой, чтобы в спокойной обстановке перечитать показания уже опрошенных лиц. Ничего существенного он там найти и не надеялся. В случае хоть каких-то зацепок, хоть каких-то намеков на приметы преступника, его машины ориентировки бы уже пошли по городу и области.

Часть преступлений удастся раскрыть именно так – «по горячим следам». Кто-то видел в момент совершения преступления какого-то человека с каким-то приметам или определенной машиной. И весь огромный милицейский механизм начинает работать по отлаженной схеме. Начинают задерживаться и проверяться подозреваемые, машины. В какой-то момент какой-то патруль засекает того, кто нужен. Потом начинается процесс доказывания вины. Но в данном деле ничего подобного не произошло. Единственная зацепка – перечень и описание похищенных драгоценностей. И это немало, но шансов на то, что похищенное останется в городе, практически нет. Либо где-то в аэропорту или на вокзале кто-то из бдительных сотрудников обратит внимание на перевозимые драгоценности или их обилие на некоей женщине. Либо просто интуитивно найдут в личных вещах. Могут и на постах ГИБДД при досмотре найти. Если драгоценности уйдут из Москвы, то, считай, все. Только случайно, да

и то через несколько лет, они смогут всплыть в другом городе. Но, скорее всего, и этого не будет. Распылят фарцовщики по одному изделию по всей стране.

В любом случае механизм розыска запущен на всю катушку. Принцип прост, и напоминает он работу золотоискателей, которые в лотках перебирают породу в поисках слитков. На самом начальном этапе нужно зачерпнуть как можно больше, копнуть как можно глубже, чтобы преступник неизбежно попал в этот пласт. Потом – кропотливая работа по отсеиванию «пустой породы», в результате которой остается искомое.

А еще Гурову не очень верилось в то, что убийство с хищением совершили приезжие преступники – «гастролеры». Почерк не их. Перед уходом Лев Иванович задал капитану Сузикову вопрос, который показался последнему странным. Правда, хитрый Крячко сразу понял, куда клонит Лева. Гуров спросил капитана, принимал ли тот какие-то меры к тому, чтобы экспертиза была проведена в срочном порядке. Организовывал ли он звонок, чтобы так же срочно провели вскрытие тела? Оказалось, что ничего подобного сыщик не предпринимал и не слышал, чтобы руководство МУРа было озабочено тем же. Это говорило только об одном – кто-то сверху принял все меры, чтобы максимально ускорить получение результатов всех экспертиз по делу об убийстве Александры Лукьяновой. Что, в свою очередь, говорило о том, что эти люди сверху осведомлены о возможных причинах преступления. Были у них основания полагать, что убийство имело цели, далекие от банального ограбления дома. Значило это еще и то, что люди сверху озабочены ускорением процесса розыска, а значит, безопасностью кого? Самого Михаила Лукьянова.

Муж погибшей женщины, первый заместитель префекта Северо-Западного административного округа Москвы Михаил Александрович Лукьянов, был в списке Гурова первым. Именно с ним сыщик и намеревался побеседовать в первую очередь.

Вечером вместе с Крячко Гуров приехал в городскую квартиру Лукьянова. Дверь открыл сам хозяин – молодой красивый мужчина, дорогой костюм которого не скрывал хорошей спортивной фигуры. Кстати, почему это он дома рассказывает в костюме? Выяснилось это быстро. Оказалось, что в доме есть еще один человек, которого Лукьянов представил своим юристом. Его присутствие было объяснено туманно – необходимостью улаживания личных дел. Двум полковникам были предложены напитки с просьбой подождать несколько минут. После этого хозяин снова закрылся с юристом в своем кабинете.

– Понял? – коротко спросил Крячко. – По закону чиновник не имеет права заниматься бизнесом. И улаживание личных дел в таком срочном порядке может означать только то, что весь бизнес Лукьянова оформлен на его жену. Бизнес не ждет!

Допрос Лукьянова никаких откровений не дал. Да сыщики их и не ждали в этот раз. Михаил Александрович поразил их тем, что вел себя не так, как полагалось мужу трагически и нелепо погибшей жены. А смерть Александры Лукьяновой, если посмотреть на этот факт непредвзятым взглядом со стороны, и выглядела нелепой. И жили не в горячей точке, и работа ее не была связана с каким-то риском для жизни. Непонятные грабители, непонятное ограбление, непонятное убийство.

Лукьянов должен был, по всем правилам, выглядеть подавленным неожиданно свалившимся на него горем. Нарушенный ритм жизни, потеря близкого человека, осиротевший дом... Осиротевшая, кстати, дочь-второклассница. Нормальный человек должен быть в шоке. Однако Михаил Александрович выглядел скорее деловито, чем подавленно. Создавалось впечатление, что у него просто появились огромные проблемы и их предстояло решать. Сложно, накладно, с привлечением людей, к которым обращаться не хотелось бы, однако надо...

Гуров пытался найти в процессе допроса логичное объяснение такому состоянию Лукьянова. Ну, например. Чиновник, первый заместитель префекта столичного округа. По правилам любого учреждения первый заместитель курирует финансы. А еще первый зам

префекта курирует вопросы нового строительства, реконструкции ветхого и пятиэтажного жилого фонда. Неслабый круг вопросов! И каждый из них упирается в деньги, и деньги немалые. Если представить себе объемы «откатов» в строительной среде, то невольно подумаешь, что за такие суммы можно и убить.

А если еще и бизнес на плечах, то можно себе представить, какой объем работы ежедневно сваливается на этого человека. Какими незаурядными организаторскими способностями он должен обладать и какой самоорганизацией! Эти умозаключения многое объясняют. Человек умеет «держаться удары», не ломается, а собирается в комок и противостоит, решает проблему. Возможно, в этом и лежит причина его странного поведения, странной реакции.

Гуров попытался представить, как вел бы себя человек, который решил избавиться от жены и заказать ее. Разыгрывал бы страшное горе? Наверняка. Он старательно бы демонстрировал, что вот я какой, вот как мне без нее плохо. Я теперь и жить не знаю как. Разыграть величайшую трагедию в жизни – значит прикрыться от подозрений в собственной причастности. А если наоборот? Ведь так делают все преступники во всех фильмах и книгах, когда пытаются скрыть свою причастность. Закон детективного жанра. И Лукьянов весь криминальный опыт мог почерпнуть только из художественных произведений, ведь он же не миллионер. И не психолог. А если он все же пошел другим путем и не демонстрирует, не разыгрывает горе? Смысл? Первая же мысль, которая появилась, например, у Гурова, – мысль о странном поведении мужа убитой женщины. Нет, значит, бойцовский характер.

Кстати, как показывал весь огромный опыт Льва, человеку необязательно быть психологом по образованию или актером. В его практике попадались такие талантливые экземпляры – «стихийные» психологи и прирожденные актеры. Это учитывать тоже следовало.

Допрос шел своим чередом. Лукьянов представления не имел, кому и зачем понадобилось убивать его жену. Он начисто отметал все другие варианты, кроме мотива ограбления. Старательно напрягаясь, Лукьянов перебирал по просьбе сыщиков все нюансы своей работы, все сложности, но так и не нашел хоть малейшего намека на то, чтобы убийство жены было своего рода давлением на него лично.

Закономерно возник вопрос о бизнесе. Сыщики многозначительно переглянулись, потому что сам Лукьянов умудрился о нем не проболтаться, пока его не спросили прямо. Да, бизнес был. Один загородный клуб, три небольших гостиницы, два ресторана и два бутика. Учредителем всего этого хозяйства числилась покойная жена. Подозревать мужа в том, что он убил жену, на которую по собственной инициативе оформил весь бизнес, было глупо. Но не в том случае, когда жена, к примеру, собралась уйти от мужа и оставить его без штанов. Взаимоотношения супругов и наличие связей на стороне в этой связи автоматически всплыли и переместились на одно из первых мест в перечне вопросов в голове у Гурова.

На этой стадии розыска не стоило задавать таких вопросов напрямую. Но кое-что все же выяснять пришлось. Правда, несколько в другом ключе.

– Михаил Александрович, – Гуров нахмурился, понимая, что вопрос прозвучит кощунственно, но задать его он был должен. – Просите, но я обязан вас спросить. По роду своей службы.

– Да, конечно, – насторожился Лукьянов. – Спрашивайте.

– Ваша жена вам изменяла?

Лицо допрашиваемого не вспыхнуло краской негодования, он не разразился тирадой о... Ничем он не разразился. Лукьянов кивнул головой, показывая, что понял вопрос, и на мгновение задумался.

– Нет, не изменяла.

– А почему вы не сразу ответили, а с паузой? – тут же вмешался Крячко. – Есть или были сомнения?

– Н-нет, не было сомнений, – покачал головой Лукьянов. – Просто... Э-э, вопрос ваш был неожиданным, и я... Я привык обдумывать свои слова, прежде чем делать серьезные заявления. Вы ведь не из праздного любопытства задали этот вопрос. Чем, он, кстати, вызван?

– Видите ли, Михаил Александрович, – побарабанив пальцами по столу и подбирая слова, сказал Гуров, – мы обязаны учитывать и предполагать все мотивы и все версии. Возможно, причиной убийства было именно ограбление, а возможно, ограбление было инсценировано, чтобы скрыть истинные мотивы убийства.

– Но кем? – наконец проявил какие-то более бурные эмоции Лукьянов. – У меня не было ни с кем трений и разногласий на таком уровне. Это ведь... это... чтобы убить, нужен серьезный повод. Долги какие-нибудь совершенно дикие, нежелание выполнять обязательства...

– Значит, ничего подобного в вашей профессиональной деятельности не было? – сказал Крячко скорее утвердительно. – Понятно. А может, все-таки в бизнесе было? Может, вам делалось предложение, от которого вы отказались, не поняв всей его серьезности?

Гуров понял, куда клонит его напарник, и еле заметно толкнул его под столом носком ботинка в щиколотку. Не стоило гонять воздух с места на место, пока вопрос не созрел. Оба сыщика, когда Лукьянов рассказывал о своем бизнесе, подумали, что при его должности не грех иметь под рукой еще и ремонтно-строительную организацию. Через нее можно пропускать подряды, можно использовать как посредника. Да мало ли как, чтобы урвать свою часть пирога. В смысле муниципальных денег, направляемых на реконструкцию старого жилищного фонда. Да и брать взятки за победу в конкурсе подрядных организаций на строительство или выделение площадок под застройку в черте города сейчас уже не принято. Достаточно поставить определенные условия, и никто никогда не узнает, что за платежи прошли между подрядчиком и некоей фирмой. Да, учредителем в этой фирме является жена заместителя префекта. А он сам тут совсем ни при чем. Но в данном случае, если строительная фирма все же существовала, то формальным учредителем была все же не жена Лукьянова, иначе Михаил Александрович о ней упомянул бы.

Остальная часть допроса свелась к завуалированному выяснению круга общения семьи Лукьяновых в целом и каждого супруга в отдельности. К большому удивлению сыщиков, круг оказался до смешного мал. С топ-менеджерами своих фирм Лукьянов близких отношений не поддерживал – соблюдал дистанцию. Близких друзей в префектуре у него не было – настолько близких, с которыми он сам или с семьей иногда бы проводил свой досуг. Бывают в жизни даже очень занятых людей минуты досуга. Сходить вместе компанией в сауну, в ночной клуб, в бар; на природу на шашлычки выбраться, в смысле собраться в загородном доме... Часто супружескими парами близкие друзья ездят отдыхать за границу. Здесь ничего этого не было. Формально, конечно, было, но только формально. И Гуров это прекрасно понимал. Были и шашлыки в составе верхушки префектуры, были празднества в том же составе, но все это не по-дружески, а в рамках занимаемой должности. Шеф и ближайшие помощники вместе участвуют в таких мероприятиях. Но не более.

Удивило сыщиков и то, что такой человек, как Лукьянов, поддерживает дружеские отношения с неким Антоном Филипповым, точнее, они дружат семьями. Лукьянов с какой-то грустью поведал, что с Антоном они друзья еще со школы. Гуров не стал спешить с уточнениями, ограничившись лишь общим вопросом, как часто встречаются друзья детства. Оказалось, что нечасто.

И тут Лукьянова будто прорвало. Он считал Филиппова неудачником. Несколько раз за все время их дружбы – особенно когда сам Михаил уже достиг в жизни многого – он пытался помочь и приподнять Антона. И учиться уговаривал, и на работу приглашал с перспективой карьерного роста. Но друга интересовало лишь его творчество, и ничего больше.

Антон любил рисовать, а делать что-то другое, что не любил, ему не хотелось. Что-то из работ Филиппова продавалось, иногда ему предлагали иллюстрировать книги и журналы в издательстве. Пару раз приглашали участвовать в создании интерьеров помещений. Вот и все источники доходов семьи. Лукьянов удивлялся, как с Антоном до сих пор живет его жена Оксана.

Гурова это тоже очень заинтересовало. Если с взаимоотношениями двух друзей все было более или менее ясно, то сожительство нормальной бабы с нищим художником вызывало ряд вопросов. Такой ли Филиппов незаурядный человек и художник, что его можно так горячо любить, ценить и преклоняться перед ним? Для определенного типа женщин это вполне нормально и объяснимо. Только вот беда – Антон стал со временем угрюмым и нелюдимым, даже сварливым человеком. И как художник он тоже не прославился. Грубо говоря, его – художника Филиппова – ценил и понимал лишь один человек. Сам художник Филиппов. Вывод базировался на самых простых и заурядных умозаключениях. Полтора десятка лет творчества, которые не принесли ни доходов, ни признания критиков, публики и других художников. Никому его творчество не было особенно интересно. В общем-то, и старому другу Лукьянову тоже.

Гуров сделал себе пометку досконально разобраться с семейкой Филипповых. Странные люди более других склонны к странным поступкам. Например, к убийству. И мотив реальный: зависть Филиппова к тому, что жизнь у Лукьянова удалась, а у него нет. Можно возразить, что Лукьянов как раз друга и не бросал на произвол судьбы. Он-то как раз всю жизнь старался ему помочь. Но на то они и странные люди, что способны на странные выводы и поступки. Например, Филиппова одолевает эта самая зависть, но менять он в своей жизни ничего не хочет. Почему? Потому что он странный человек и не хочет заниматься ничем, кроме того, что ему нравится. Кто виноват, что он прозябает в безвестности и нищете? Естественно, все окружающие. А больше всех – друг детства. Вот тут уже нет логики, но ее можно искать в голове нормального человека. А если человек живет такой жизнью, то он, мягко говоря, сильно отличается от окружающих. А если он еще и совершил убийство, что для нормального человека несвойственно, то и нормальным его считать не стоит. Значит, и реакции у него не совсем нормальные, и логика тоже. Тогда можно допустить, что Филиппов из зависти, внутренней ненависти ко всему свету эту самую ненависть перекинул на одного человека – друга детства, который много достиг в жизни. Почему убил не его, а жену? А потому, что хотел лишить друга части его счастья, наказать его.

Гуров тряхнул головой, понимая, что полез в такие дебри, в которых могут разобраться только специалисты из клиники Кашенко. Главное, что Филиппов мог убить, а поэтому Антону и Оксане стоит уделить особое внимание. Кстати, о клинике Кашенко. В блокнот Гурова легла еще одна пометка о необходимости в этой связи некоторых запросов. А не обращался ли художник в какое-нибудь специализированное лечебное заведение и не лечился ли он у психоневрологов?

* * *

Прежде чем лезть в дебри личного окружения семьи Лукьяновых, следовало составить собственное впечатление о людях и показаниях тех, кто в момент совершения преступления был вблизи. И Гурову пришлось встречаться с водителями «КамАЗов», которые в то утро привозили кирпич в поселок и проезжали мимо дома Лукьяновых. Пришлось снова беспокоить обитателей соседних домов. Ничего нового сыщик, конечно же, не узнал, но у него должна быть уверенность, что за спиной не осталось непроверенной информации.

Нельзя сказать, что Гуров не доверял Сузикову и его товарищам, которые уже опрашивали всех потенциальных свидетелей. Просто, надеясь на свой опыт, он полагал, что смо-

жет выудить то, чего не смог узнать менее опытный сыщик. Ведь на место происшествия выезжало много людей, и в опросах тоже участвовало много сотрудников милиции. Большая часть из них к этой работе вполне могла отнестись как к неизбежному временному неудобству. У каждого огромный воз своей работы, у каждого голова забита собственными делами. Приехали, по-быстрому опросили, сдали бланки и забыли. В такой ситуации надеяться, что каждый из них отнесся к опросу как к работе над собственным делом, было бы легкомысленно. Нужно вжиться в ситуацию, поломать над ней голову, продумать свои вопросы, понять, кто перед тобой сидит.

Последний момент был очень важен в розыске. Неопытному сотруднику очень легко в процессе беседы с потенциальным свидетелем убедить его в том, чего он на самом деле не видел. Ты ищешь красную машину, которая могла оказаться на месте преступления. И ты можешь спросить человека о том, не видел ли он красной машины в то время и в том месте. Запросто свидетель скажет, что не видел. А то, что он видел синюю или зеленую, он не скажет, потому что ты о ней не спросил. А именно в ней и были преступники. А красную ты ищешь потому, что кто-то из свидетелей сказал, что видел якобы красную. И пошло-поехало! Причем в другую сторону.

Причина не просто в психологии людей. Причин много. И в особенностях восприятия, и в особенностях органов чувств, которые не у всех людей работают одинаково. И в особенностях мышления. Для одних людей раздражителем является красный цвет, для других – зеленый. Все остальные цвета, виденные мельком, могут и не отразиться в памяти. И убежденно свидетель будет говорить только о красном, а другой только о зеленом.

И уж совсем не учитывать пол свидетеля крайне глупо. То, что может подметить мужчина, женщина не только не запомнит, но и не обратит на это вообще никакого внимания. А вот то, что бросается в глаза женщинам, может показаться просто чудом. И ведь бывало такое в практике Гурова.

Женщина из одной преступной группы была ключевым звеном в розыске. Установи ее сыщики – и вся ниточка бы разматалась в один момент. Но беда была в том, что сыщикам никак не удавалось собрать ее приметы. Даже фоторобот изготовить не удавалось. Помогла одна свидетельница, которая обратила внимание на сумочку преступницы. Женщина с достатком, привыкшая одеваться в дорогих бутиках, безошибочно вам скажет, от какого дизайнера или модельера та или иная сумочка. Соответственно в каком бутике она куплена. А там сумочки – вещь авторская, штучная. Как и покупательницы.

И потянулась ниточка. И бутик установили, и покупательницу, которая ту сумочку купила там, вспомнили. И кое-что про ее одежду рассказали, и фоторобот стал получаться. И уж тем более стал получаться психологический портрет преступницы. Имея немалые деньги, добытые преступным путем, она обладала хорошим вкусом и пристрастилась к изысканной жизни. Это выразилось не только в том, где и что она покупала, но и где проводила свой досуг. Проверить несколько ночных клубов и элитных тусовок было уже мелочью. А началось все с одной свидетельницы, которая обратила внимание на сумочку.

А были случаи и с затяжкой на колготках, и туфлях на высоком каблуке, которые были чуть великоваты, и с безвкусным непрофессиональным макияжем на лице той, у которой такого макияжа в принципе быть не могло. Было и многое другое.

Поэтому Гуров очень внимательно и щепетильно относился к допросам женщин-свидетелей. И долго продумывал свою предстоящую беседу с молодой генеральшей – соседкой Лукьяновых в Юрове.

В просторном каминном зале, который был одновременно и холлом, и баром, Гурова встретил сам генерал Завадский. Сыщик чертыхнулся про себя. Сейчас начнется, безошибочно определил он.

– Министерство? – недовольно прокомментировал генерал, возвращая Гурову служебное удостоверение. – Полковник? У вас лейтенантов и капитанов не хватает, что полковники по адресам бегают?

Маленький полненький генерал с почти лысой головой стоял перед Гуровым в спортивных трусах и спортивной майке. Судя по запаху пота и полотенцу на шее, Завадский где-то в недрах своего большого загородного дома только что занимался спортом. Типаж генерала сыщику не понравился. Как показывал опыт, мужчины ростом до ста семидесяти сантиметров обязательно страдали комплексом неполноценности. У простого слесаря с завода или каменщика со стройки это выражалось в постоянном позерстве и доказывании, что он ничем не хуже других. По причине специфического социального положения и, как следствие, угнетения интеллекта доказывали обычно в двух направлениях: водка и бабы. И выпить он может на порядок больше, чем любой громила, и в штанах у него солиднее, чем у любого культуриста. Попадались, правда, и непьющие, но те были совсем занудами. Они считали, что во всем разбираются, все знают и все понимают – начиная от политики правительства и кончая медициной.

С маленькими генералами все обстояло гораздо хуже. Это уже власть над людьми. И превосходство свое они выражали в более неприглядных формах. Унизить подчиненного, опустить его до такого уровня, чтобы со своим ростом оказаться на высоте, было в порядке вещей. На других людей они умудрялись смотреть при своем росте свысока.

Генерал с нормальным ростом был вальяжным, пусть высокомерным, но высокомерным снисходительно. Он не видел в собеседнике или подчиненном конкурента, если только тот не был выше его по званию. А для маленького генерала любой высокий собеседник – уже конкурент по жизни. И эту разницу в росте они компенсировали попытками возвыситься над любым и любым способом. Гурову это было смешно, и ввязываться в игры комплексов он не собирался. Поэтому и замечания Завадского оставил без ответа.

– Я по телефону договаривался с вашей супругой о визите, – сухо напомнил он.

– Работать лучше надо, – высокомерно, как нравоучение, произнес Завадский. – Ходите только, по двадцать раз одни и те же вопросы задаете. А по поселку с пистолетами отморозки бегают... У вас, кажется, существует концепция профилактики преступлений?

Гуров приготовился терпеливо выслушивать хозяина дома в ожидании, когда спустится его супруга. Можно, конечно, поставить генерала на место, но это приведет к тому, что сейчас допроса не получится. И жена Завадского будет на взводе, и сыщика выставят за порог. И звонок будет в главк, и Орлов уставится на Гурова как на ребенка. Допрос в любом случае состоится, но для этого придется свидетельницу вызывать в кабинет повесткой, а это уже не разговор.

К счастью, долго ждать не пришлось. Крашеная блондинка лет тридцати, с полной грудью и «козьими» ногами с неразвитыми икрами, бодро спускалась по лестнице со второго этажа. Была она на голову выше своего мужа и лет на двадцать моложе. Не модельный рост, конечно, но для генеральши сойдет. Эдакая домашняя игрушка, и в люди везти не стыдно.

– Здравствуйте, Вероника... – начал Гуров.

– Просто Вероника, – лучезарно улыбнулась генеральша и тут же испуганно согнала улыбку с лица, решив, что ситуация должна иметь налет мрачной скорбности.

– Полковник Гуров, Главное управление уголовного розыска МВД, – напомнил сыщик свой статус, хотя уже представлялся по телефону. – Лев Иванович.

– Да-да, проходите, пожалуйста, – с готовностью предложила Завадская и немного испуганно глянула на мужа – не очень ли она вежлива с милиционером.

– Присаживайтесь, – разрешил генерал, поведя рукой в сторону дивана и двух кресел натуральной кожи, стоящих посреди холла напротив огромного камина.

Сам он по-хозяйски уселся в одно из кресел. По виду генерала можно было подумать, что допрос собирался проводить он. Гуров вежливо дождался, пока Вероника сядет во второе кресло, и только потом сел сам. Диван оказался слишком мягким. Возможно, для времяпрепровождения в зимнюю стужу у камина он и был комфортен. Допрашивать же свидетеля, утонув по пояс в диване, было не совсем удобно. Однако придется мириться с обстановкой.

Гуров сидел на самом краю дивана, подавшись всем корпусом вперед и уперев локти в колени. Генерал был полон нетерпения вставлять комментарии, а его молодая супруга напряженно старалась соответствовать своему статусу в положении допрашиваемой. Совместить эти две ипостаси ей не удавалось, поэтому Вероника выглядела нелепо.

Сыщик начал задавать вопросы, пытаясь восстановить картину последних минут жизни Лукьяновой. Задача была сложной. Генеральша исходила эмоциями, и ее ответы следовало фильтровать через призму здравого смысла. Было много того, что женщине показалось, что она подумала и чего ей хотелось. Из этого обилия информации нужно было выудить и обосновать непреложные факты. И еще корректно обходить замечания и советы ее супруга.

В целом Гурову удалось составить следующую картину. Вероника сидела в шезлонге под декоративной рябиной недалеко от калитки в заборе, разделявшем два участка. Она услышала звук подъехавшей машины, а потом как откатывались электроприводом ворота. Забор был глухой, и видеть приехавшего на машине женщина не могла. Она предположила, что это может быть только Сашенька, потому что сам Лукьянов обязательно должен быть на работе.

Когда не очень опытные оперативники на скорую руку опрашивают потенциальных свидетелей на месте происшествия, то опрос неизбежно сводится к простым вопросам. Видели ли кого подозрительного или постороннего, видели ли машину, слышали ли подозрительные звуки. Как правило, если свидетеля не настроить надлежащим образом, то он ничего не вспомнит – если, конечно, он по характеру не патологически подозрителен и не играет с детства в сыщики. Он либо ничего путного не скажет, либо наговорит того, чего и в помине не было. Нельзя и провоцировать свидетеля на узнавание лиц, машин или звуков. Тут тоже можно уговорить свидетеля, что он слышал что-то важное и нужное. Причем именно то, что нужно сыщику.

Гуров хорошо владел техникой допроса не только подозреваемых, но и свидетелей. Возможного очевидца нужно умело погрузить в ту обстановку, помочь ему вспомнить, подвести под воспоминания, мотивировать их.

К сожалению, с Вероникой ничего толкового не вышло – слишком много эмоций и слишком мало внимания внешнему миру. Правда, кое-что на эмоциональном уровне она все же уловила. Лукьянова в течение нескольких последних месяцев вела себя так, будто ее что-то тяготило. На естественные вопросы соседки она не отвечала, ссылаясь то на усталость, то на заботы с завершением строительства.

Но тут в который раз вмешался сам Завадский. Вмешался категорично и в данном случае уместно. По мнению генерала, Александра Лукьянова никоим образом в вопросах завершения работ подрядчиками в загородном доме не участвовала. Всем занимался супруг, лично. Значит, Лукьянову беспокоило что-то иное. Что?

* * *

Квартира четы Филипповых находилась в старой девятиэтажке в Южном Тушине. Крячко долго ворчал по поводу старой планировки дворов, где двум машинам и так не разъехаться, а если уж хозяева начинают их парковать в два ряда, то и пешеходу не пройти. А

ведь сколько случаев уже было, когда или «Скорая помощь», или пожарная машина не могли вовремя подъехать к нужному подъезду...

Наконец Станислав приткнул свой «Мерседес», заехав одним колесом на тротуар. Лифт был чистым, но каким-то унылым. То ли вытертые до дыр отделочные панели были виной, то ли обилие скрежетов и скрипов при движении. Кабина дернулась и замерла на месте. Крячко деловито распахнул внутренние створки кабины, повернул ручку металлической сетчатой двери и вышел первым на площадку, скептически оглядываясь по сторонам.

– Нет у меня, господин полковник, впечатления, что тут может жить модный художник, – хмыкнул он.

– А я больше скажу, господин полковник, – в тон другу ответил Гуров, – нет у меня впечатления, что тут может жить человек в полном душевном равновесии и со здоровой психикой.

– Вот! – Крячко поднял указательный палец. – Мы ощущаем ауру неустроенности и неудовлетворенности. Не скажу, что весь подъезд и весь дом населен больными людьми, но старый жилой фонд у меня обычно вызывает впечатление уюта, обжитости и покоя. А тут этого не чувствуется.

– По крайней мере, отсутствие суеты, – поддакнул Гуров, нажимая кнопку дверного звонка.

Те несколько фраз, которыми перебросились сыщики, на первый взгляд шуточных, на самом деле были общим пониманием атмосферы вокруг семьи Лукьяновых. И вакуумом их окружение назвать нельзя, и в то же время полное отсутствие общительности, здорового круга друзей, приятелей. Единственные друзья, которых удалось выявить, это семья Филипповых. И с ними встречались редко. И семья эта была немного странной.

Дверь сыщикам открыла Оксана Филиппова. Оказалась она женщиной деловой, миловидной. На одной щеке приятная ямочка, которая углублялась во время улыбки. Глаза светлые, быстрые, не любопытные, а какие-то пытливые.

– Проходите в комнату, я сейчас, – поспешно сказала Оксана и убежала в боковую дверь. Кажется, в ванную.

Сыщики осмотрелись по сторонам и обменялись многозначительными взглядами. Квартирка была, мягко говоря, унылой. Даже если судить по длинной, как вагон, прихожей. Линолеум старый, потерявший блеск. На стыках прибит местами гвоздиками, а местами отслаивающийся и щерившийся, как старик беззубым ртом. Моющиеся безвкусные обои клеились лет пятнадцать назад и все эти пятнадцать лет тщательно мылись. Местами пленка верхнего покрытия была протерта до основания. Из мебели в прихожей стояла небольшая тумбочка с зеркалом. Над ними старомодная деревянная вешалка с двумя плащами и зонтиком без чехла.

Крячко быстро нагнулся и взял в руки женские туфли. Черные носики были оббиты и аккуратно подкрашены черной краской. На каблуках новые набойки, но кожа у самых набоек сбита и подклеена. Судя по всему, это повседневная обувь женщины. Мужские полуботинки нуждались в чистке и, судя по пыли и грязи, не надевались уже неделю, с последнего дождя.

– Художник, – кивнул Гуров.

– А ты обратил внимание на нее? – кивнул Крячко головой в сторону ванной комнаты, где слышался шум воды. – Сексуальная бабешка. Типажик!

Не успели сыщики пройти до предложенной им комнаты, как навстречу вышел мужчина, возраст которого сразу определить было трудно. Не столько задумчивый, сколько обращенный куда-то в себя взор, давно не стриженная голова и недельная небритость. Если побрить и причесать, то лет на тридцать пять потянет.

– Здравствуйте, проходите, – бесцветным голосом и без выражения предложил Антон Филиппов, вытирая руки грязной тряпкой. – Вы из милиции?

– Антоша, ты чего товарищей в коридоре держишь? – раздался сзади голос Оксаны. – Проводи в комнату.

Гуров не сводил взгляда с глаз художника. Что-то промелькнуло в них. Раздражение, неудовольствие? Прервали работу? Жена слишком суетливая? Или с утра поругаться успели? Не очень тянула эта парочка на друзей заместителя префекта округа. Памятуя загородный дом, обстановку там и в городской квартире Лукьянова. Хотя друг детства... В виде отдушины для чиновника могут и сойти за друзей.

В бедно и неуютно обставленной комнате и начался разговор. Антон отвечал неохотно, с длинными паузами. Оксана, сидевшая на стульчике чуть поодаль, часто вела себя так, как будто собиралась что-то вставить в ответы мужа, но сдерживалась. Гуров пытался по взглядам женщины на мужа определить характер их взаимоотношений в семье. По взглядам жены это почти всегда можно понять. Даже на пьющего, приносящего не всю зарплату или даже безработного жены обычно глядят с теплом. С горьким теплом, жалостливым теплом, с материнским негодованием. А если не глядят, то обычно такие пары расходятся. Оксана на мужа не смотрела. А глядела на сыщиков попеременно, смотря кто из них спрашивал. То, что в семье не все в порядке, было видно невооруженным глазом.

– Значит, врагов у Лукьянова нет? – подвел черту Крячко.

– Может, и есть, только я об этом не знаю, – нервно дернул плечом Антон.

– А о чем вы обычно говорите, когда встречаетесь? – поинтересовался Гуров, который больше молчал и слушал.

– Ну, вы даете, – проявил наконец иные эмоции, кроме недовольства, художник. В его взгляде появилась ирония. – Разве упомнишь все, о чем мы разговаривали?

– Как правило, – пояснил Гуров, покачивая носком ботинка. – Вы приходите в гости к Лукьяновым. С дверей начинаете приветствовать друг друга, как это обычно делают люди. Потом раздеваетесь, проходите – неважно куда: к столу или в комнаты. А дальше? Какие обычно следуют вопросы?

– Мы с Сашей обычно сразу уходили на кухню, – наконец встала Оксана. – Она готовила что-нибудь вкусненькое на скорую руку, а я ей помогала. Болтали всякое.

– А вы? – Гуров упорно смотрел на Филиппова. – О работе? Вашей, Лукьянова?

– Вы что! – набычился художник и уставился на Гурова. – Вы считаете...

– Да боже упаси! – усмехнулся Гуров, стараясь, чтобы его реакция выглядела искренне.

– Убить мог кто угодно, вам ли этого не знать, сыщики! – раскипятился Антон. – Разве мало на свете преступников, которые имеют оружие? Дом пустой, все на работе...

– Я понял, вы правы, – успокаивающе заговорил Гуров. – Разумеется, преступник мог и не быть знакомым с погибшей и ее мужем. Этой версией занимаются другие сотрудники. Наша задача понять, не мог ли кто-то из знакомых вашего друга иметь мотивы. Согласитесь, что такое может быть. Ведь круг общения Лукьянова очень обширен. И работа, и бизнес... В такой среде и при такой жизни несложно заиметь врагов. Поэтому я вас и расспрашиваю о разговорах, которые могли иметь место. Не говорил ли Михаил Александрович или его супруга о каких-то угрозах, серьезных проблемах с кем-то?

– Пожалуй... нет, – успокоился наконец художник. – Такого я, – он вопросительно посмотрел на жену, – мы такого, пожалуй, от них не слышали.

– Понятно, – задумчиво произнес Гуров и, улыбнувшись, неожиданно попросил: – Скажите, Антон, а можно посмотреть ваши работы? Я слышал о них отзывы как о... неординарных.

Снова в облике художника произошло неуловимое на первый взгляд изменение. В начале беседы он был какой-то потерянный, потом эмоции, связанные с возможным подозрением его в убийстве школьного друга, всколыхнули Антона. Потом он снова ушел в себя. Какие мысли бродили в его нестриженной запущенной голове? Просьба сыщика его, пожа-

луй, не удивила. Наверное, даже несколько обрадовала. Только вот возможностью продемонстрировать лишний раз свое творчество или возможностью уйти от неприятного разговора?

Гуров поднялся вслед за художником, чуть кивнул Крячко и последовал в соседнюю комнату. Здесь царил запустение. С точки зрения городской квартиры, конечно. Но и на мастерскую приличного художника помещение тоже тянуло слабо. Облезлый продавленный диван у пустой стены, два расшатанных деревянных стула и высокая этажерка образца шестидесятых годов прошлого века. Этажерка была завалена карандашами, грифелями, мелками, выдавленными тюбиками, грязными кисточками и еще какими-то незнакомыми Гурову принадлежностями для рисования.

Антон поспешно и немного нервно стал выбирать из составленных у стены полотен некоторые и выставлять их в ряд на полу. Гуров опешил. Перед ним распахнулось окно в потусторонний мир. Сначала сыщику показалось, что мир был мистическим, но потом он понял, что это фантазии художника, которые не имеют ничего общего с мистическими представлениями большинства людей. Это не чудища из сказок и легенд, и картины не были похожи на фантастические аллегории Иеронима Босха. Тут, пожалуй, было что-то другое. Собственно обезображенных и пожираемых чудищами трупов тут не было. И вообще как такового насилия и крови. Мрачная сила сквозила, рвалась с полотен наружу вместе с мускулистыми мужчинами со страшными обнаженными мечами в руках, с огромными, ужасающего вида драконами и чудищами, на которых они восседали. Отдельно или вместе с этими героями встречались полуголые девицы с таким же оружием в руках, с крутыми бедрами и большой крепкой грудью, прикрытой лишь стальными нащепками, кусками кожи или ремнями с бляхами. И фон был таким же тревожным и зловещим. На некоторых картинах рядом с героем бежали лупоглазые уродливые карлики с кинжалами. И почти всегда на заднем плане высились не то руины башен, не то причудливые скалы. Кривые нереальные ветви нереальных деревьев плелись вокруг персонажей, а сверху давило тяжелое удушливое небо со всполохами адского пламени на горизонте. От этого неба першило в горле и ощущались вполне реальные астматические спазмы.

Гуров краем глаза глянул на самого художника. Антон стоял со странной полуулыбкой на лице. Он уже не был задумчивым и понурым. Даже плечи у мужчины странным образом выглядели развернутыми...

Когда сыщики спустились к машине, на улице пошел дождь. Гуров сидел на переднем сиденье рядом со Стасом и молча смотрел прямо перед собой. Крячко поглядывал на друга и кривил губы в усмешке. Наконец он не выдержал:

– Лева, очнись. Ты меня пугаешь.

– Да? – неопределенно спросил Гуров. – Может быть.

– Вы что там, травку курили? – расхохотался Станислав Васильевич.

– Нет, до этого не дошло, – вздохнул Гуров и заворочался на сиденье, усаживаясь удобнее. – Так как тебе эта семейка?

– Семейка странная, если не сказать больше, – покачал головой Крячко. – Никогда бы не поверил, что они муж и жена. Не ощущается духовная близость. Ушибленного своим творчеством человека может терпеть женщина-единомышленник, такая же чокнутая. Может терпеть горячо любящая его как человека, если ничего и не понимает в его художествах. А тут... Жизнь у них почти нищенская. Ну, пусть не нищенская, но в высшей степени аскетическая. Будет нормальная баба терпеть такие лишения? Будет, если она из тех категорий, о которых я сказал.

– А она?

– А она баба умная... Только скрывает это.

– Мне тоже показалось, что она под блондинку лишь косит, – согласился Гуров. – Так зачем она с ним живет?

– А хрен ее знает! – как-то раздраженно буркнул Крячко. – Я бы понял еще, если бы его работы расходились «на ура» и за приличные деньги. И если бы она тратила их на себя без оглядки. Но тут этим не пахнет. И имя его нигде в богемной среде не мелькало.

– Не мелькало, – согласился Гуров. – Что нового почерпнул из беседы с ней?

– Ничего особенного. Несколько имен из окружения, о которых мы уже знаем. Еще у меня создалось впечатление, что дружба их семей – исключительно ее личная заслуга. Антон, видишь ли, в последние годы стал сторониться людей, и Лукьянова тоже. А последний, если верить Оксане, по прежнему к Антону хорошо относится. Если бы не Оксана, которая вытягивает мужа в гости, друзья давно перестали бы общаться. А с Александрой Лукьяновой, как поведала Оксана, они были чуть ли не подружки. Вот, пожалуй, и все. Теперь ты, командир, рассказывай, что тебя там так шокировало. Окунулся в творчество непризнанного гения?

– Знаешь, Стас, что интересно... – ответил Гуров, повернувшись к Крячко всем корпусом. – Он не шизик, как подумалось в самом начале. И в своем роде он человек безусловно талантливый. Работы его, конечно, оставляют тягостное впечатление. Но кое-что еще я, кажется, понял. Он неудачник, который это свое положение очень болезненно переживает. Он стремится уйти в свой внутренний мир. И он неодухотворен собственной женой. Каждый художник обязательно в той или иной форме отображает свою любовь в творчестве. А любви к собственной жене я не уловил. Нет ее там! Тут я с тобой согласен, что семья непонятная, как непонятно и то, что их связывает, держит.

Крячко понимающе кивнул и включил двигатель машины. Окна стали заметно запотевать. Дважды ширкнули по лобовому стеклу «дворники», разгоняя воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.